

Будьте счастливы!

ГАЛИНА
АРТЕМЬЕВА
КОЛОДЕЗЬ С ЧЕРНОЙ ВОДОЙ

Мечты сбываются. И чудеса случаются. И все знают, что стоит только очень сильно захотеть — и вот оно, долгожданное счастье! Откуда же берутся препятствия? Почему вдруг рушится мир, так искусно выстроенный?

Будьте счастливы

Галина Артемьева

Колодезь с черной водой

«ЭКСМО»

2013

Артемьева Г. М.

Колодезь с черной водой / Г. М. Артемьева — «Эксмо»,
2013 — (Будьте счастливы)

ISBN 978-5-699-68295-9

Береги платье снову, а честь смолоду – гласит известная пословица. Но жить, не запачкавшись, у героини романа Артемьевой Люсии Ярцевой не получается: первый брак закончился разводом, второй – тоже. На руках у Люсии остается двое прелестных детей, сможет ли она преодолеть разочарование в мужчинах и обрести наконец простое женское счастье рядом с надежным человеком?

ISBN 978-5-699-68295-9

© Артемьева Г. М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Ради себя	6
Детка и прадедка	7
Черт	10
Сияние	12
Злоба дня	14
Никто не заменит	16
Дела, делишки	17
Сердце красавицы	27
Странички	29
Воспоминание	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Артемьева

Колодезь с черной водой

«Ты можешь отстраняться от страданий мира, это тебе разрешается и соответствует твоей природе, но, быть может, как раз это отстранение и есть единственное страдание, которого ты мог бы избежать».

Франц Кафка

«Я напита́на Словами и путешествиями. Сочувствием к людям и верой, что все не напрасно. Благодарностью и удивлением. Любовью к учению и ожиданием чуда!

Если говорить о своей писательской судьбе, я счастлива, что могу писать, что мечты сбываются. До этого надо было дожить. Потому что мечты-то осуществляются сами собой, а не тогда, когда нам кажется, что вот сейчас давай, вот сегодня позарез нужно. Все будет. Только сначала надо кому-то невидимому доказать, что тебе это действительно нужно».

Галина Артемьева

Ради себя

– Теперь один. Теперь навсегда – так. Любить больше не получится – это ясно. А без любви – чего ради? Да и любить – чего ради? Любить – это всегда быть под прицелом. Ты бросаешь оружие и остаешься, как в дурном сне, голым и бессильным.

Надо суметь существовать в одиночку. Цели определять под себя, планы строить – ради себя. Умеют же так люди! И вот этому надо учить, как самому главному. Чтоб совсем не зависеть от других.

Люди научились обеспечивать себя материальными средствами к существованию. А вот душе вечно надо к кому-то прилепиться и делить свой свет и свои радости с кем-то. Без этого, считается, счастья нет. А с этим? Сколько горя, когда найдешь, к кому прилепиться душой, а тебя предадут и постараются растоптать, как никчемное насекомое? Наверное, иначе между людьми не получается. Раньше получалось, да. А теперь не получается. И пора признать этот факт как данность.

* * *

Иван стоял на голове. Обычно эта стойка надежно избавляла от ненужных мыслей. Но мысли о необходимости учиться одиночеству не проходили. Значит, нужные.

– Ладно, так и будет. Один – значит сильный тыл, покой, тишина, мирный труд на свое же благо, – решил Иван.

Он медленно встал на ноги. Вернулся в исходное положение.

Обычный человеческий удел. Рыпaeшьcя, рыпaeшьcя, стоишь на ушах ради очередной иллюзии, а потом – извольте возвращаться в исходное положение! И оцените его! Этот покой, устойчивость, надежность.

Тогда чего рыпался, спрашивается?

Ладно, чего там. Вся жизнь – рывки, движение, стремления, надежды. Только вот жаль, что потом приходится стоять на голове, чтобы вытрясти из нее прах разбитых надежд.

Иван улыбнулся. Нет, все же голове явно помогло ощутить на себе весь груз тела, которое она возглавляет. Мрачные мысли ушли.

В семь утра он уже вышел из душа и, вполне довольный жизнью, заваривал себе крепкий черный чай с лимоном, как в раннем детстве приучил его прадедка, самый важный человек в его судьбе. И просыпаться рано Иван научился благодаря прадедке.

Эх, был бы он сейчас рядом...

Детка и прадедка

Все детство – от младенчества до позднего отрочества – самым близким и важным человеком для Ивана был его прадед. Прабабушку он почти не помнил, хотя она жила до его четырех лет. Родители, а также дед с бабкой были людьми молодыми и деятельными. Они любили ребенка, но возвращать, передавать ему свое понимание жизни и опыт собственных раздумий были не приспособлены. Они мчались по жизни галопом, от успеха к успеху, от свершения к свершению, от одного проекта к другому. Ребенком занимался прадед. То есть кормили мальчика, конечно, женщины, они же обстирывали, купали. Это само собой. Но кто помнит, в подробностях, про кормежку и купание, если только не связано это с каким-то ужасом, страхом и подобным переживанием? Зато рассказы любящего человека врезаются в память навеки. И живешь ты с этими рассказами и переданным тебе опытом с желанием передать его другому человеку, от тебя уже рожденному.

Долгие годы своей трудовой жизни прадедка был врачом-хирургом, настоящим врачом, исцелявшим благодаря глубоким знаниям, редкостному чутью, твердой руке, отличному зрению и решимости бороться за жизнь больного, чего бы это ни стоило. На пенсию он вышел поздно, но мог бы и еще работать. Однако решил, что надо успеть многое передать Ванечке, чтоб не рос, как сорная трава.

Зимой все семейство жило в городе, в одной просторной квартире, а в апреле до октября перебирались на дачу. Работающим членам семьи приходилось в дачный период дольше добираться до работы. Но в семье имелася машина, так что никаких особых трагедий никто не переживал: собирались по утрам и вместе ехали, без пробок, во что сейчас и поверить просто невозможно. А после работы тоже собирались в условленном месте и возвращались. И потом сидели в беседке у клумбы, говорили кто о чем, пили чай из самовара, слушали, как изливает любовное томление соловей или кукует кукушка. Допоздна обычно сидели, до самой темноты, которая спускалась почти в полночь.

До этого времени Ваня никогда не дотягивал. Хотя всегда вызывался сидеть вместе со взрослыми за самоваром, вслушиваясь в их речи. Никто его не прогонял. Он сам засыпал почти сразу, как заканчивался ужин, часов в восемь вечера. Папа относил его в кровать, но этого он совсем не чувствовал и всегда удивлялся, проснувшись: как это – уснул за столом в беседке, а проснулся у себя в детской? И не почувствовал ничего.

* * *

А засыпал он так рано не случайно. Ведь летом прадедка будил его в четыре часа – утра. Это прадедка говорил: «Четыре утра». А мама и бабушка ворчали: «В четыре ночи поднимать ребенка!»

– Как в Библии сказано? «Ходите, пока есть свет»... Работайте, пока есть свет, особенно свет утренний! Утром все живое просыпается, – отвечал прадедка. Цветы утренние во сколько открываются? В четыре утра! Это самое здоровое время! Календула просыпается в четыре утра, а человек дрыхнет! Потому что сам себя растлевает, сам себе потворствует. С первым светом надо вставать! Иначе самое интересное пропустишь!

Кому же хотелось пропустить самое интересное? Конечно, Ваня вскакивал, быстро умывался, одевался, и шли они с дедом смотреть на настоящую жизнь. Так Ваня и думал долго-долго, что настоящая жизнь – это рассветная прохлада, небо, меняющее свои краски, капельки росы, как драгоценные камушки, на бархатных листочках, на травке. Смотреть можно, а унести

нельзя. Ваня пробовал, и не раз. Возьмешь на палец переливающуюся, блестящую капельку, а она растекается, просто вода остается – и все.

– Вот так вся наша жизнь, – посмеивался прадедка, – смотреть можно сколько угодно, а с собой не утащишь. Поэтому самое главное что? Успеть налюбоваться! Надышаться! Наслушаться!

Они вместе слушали, как начинают пробуждаться птицы. Птицы были самые молодцы: они просыпались и тут же принимались радоваться новому утру, пели песенки, дразнились, перекрикивались. Прадедка вел мальчика в лес через огромный колышущийся луг с нежными, тонко пахнущими цветами на высоких стеблях. Луг казался зеленым морем. За ним виднелось голубеющее небо.

Прадедка останавливался, вдыхал полной грудью, оглядывал окрестности и гордо произносил:

– Вот куда ты попал! Смотри! Запоминай! Мир Божий! Каждый день – счастье! Каждый день твою судьбу решает! Дорожи им! Не трать зря!

Ваня верил прадедке безоговорочно и полностью с ним соглашался. Повсюду было столько всего! На каждом шагу – что-то новое, дивное, непонятное. С прадедушкой он ничего не боялся, но, бывало, думал, что вот тут, в этой чаще, куда они сегодня забрели, он не хотел бы остаться один.

Однажды они шли по лесной тропе, и прадедка сказал вдруг, указав на обычную с виду траву слева от тропки:

– Видишь? Ну-ка, ступни ножкой. Только слегка ступни, осторожнее, я крепко тебя держу.

Иван смело наступил на сочную зеленую травку. И, если бы прадедка не держал его, провалился бы. Из-под травы зловеще проступила черная вода! Страшно стало мальчику.

– Вот оно! Болото! Погибель! Понял? И вся жизнь так: ступнешь, не зная куда, а там – колодезь с черной водой. И выбраться из него не всякий сумеет.

– Что же делать, прадедка? Ведь ходить-то надо! Как быть?

– Ходи, всюду ходи! Но – примечай! Учись различать. Есть приметы. По ним определишь. И с людьми так же. Не угадаешь с первого взгляда, что у человека внутри.

* * *

Прадедка знал невероятное количество всяких интересных историй. Он рассказывал, а потом они вместе с Ваней подробно обдумывали, что там в истории происходило и почему.

Детство и отрочество прадедка провел в совсем другом, прекрасном и далеком краю, который назывался Подкарпатская Русь.

– Кто такие восточные славяне? – спрашивал прадедка. – Вот тебе все скажут: русские, украинцы и белорусы – это восточнославянские народы. А про русинов не говорят. Будто и нет нас вовсе. И не было. А мы были, есть и будем! У нас и в гимне так поется:

Я Русин был, есмь и буду,
Я родился Русином,
Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном.

– Ну давай, подпевай! – повелевал прадедка, и Ваня старался, пел. Он знал, что слова гимна русинов сложил их знаменитый давний предок – Александр Васильевич Духнович, которого народ не забывает по сей день, хоть и был он ровесником Пушкина, давно жил. И прадедка, и его родители, и их родители тоже были Духновичи.

Подкарпатская Русь прекрасная земля, но судьба у нее тяжкая. То относилась она к Австро-Венгрии, в 1920 году вошла в состав Первой Чехословацкой республики. Когда Гитлер насильственно присоединил в 1938 году Чехословакию к Германии, Подкарпатскую Русь отдали Венгрии, а в 1945 году, после войны, Подкарпатье вошло в состав СССР и стало частью Украины.

Вот такие постоянные смены власти, а значит – и судьбы народной. На Украине никто не хотел считаться с тем, что русины имеют свой язык, культуру и настаивают на собственной национальной самоидентификации. Выдавая им паспорта, насильно записывали в графу национальность «украинец», «украинка». И по сей день мечтают русины о собственной автономии. Сейчас разбросаны они по разным странам: живут в Словакии, в Польше, на Украине, очень большая община русинов имеется в США. Некоторые из них в начале XX века оказались и в России в поисках лучшей доли.

Родители прадедки, люди образованные и верующие, хотели жить на славянской земле, там, где исповедуют православие. Прадедке было 14 лет, когда смогли они обосноваться в Москве. Тут началась Первая мировая, пошли ужасы и муки революции. Прадедка, закончив гимназию в 1916-м, поступил в университет, изучал медицину, стал врачом. Фамилию свою они изменили на русский лад. Так и стал прадедка не Духнович, а Духнов. После революции легко было объяснять значение фамилии: дух нов. Коротко и ясно.

Прадедка говорил, что ему повезло. Он сумел в Москве встретить девушку-русинку! И, конечно, они поженились. На таком везении, правда, все и закончилось. Следующие Духновы женились на русских, но о своих корнях помнили, старались в родных местах бывать. А сколько историй помнил прадедка из подкарпатской жизни! Удивительно! Как любил их слушать Иван! Он и сейчас вспоминает, как наяву слышит, прадедкин голос, начинающий захватывающее повествование....

Черт

– Была у нас в городке, – рассказывал прадед, – одна деваха по имени Василина. Молодая, замужняя. Работящая, ничего не скажу. Но край бедный, работаешь, работаешь, а особо ничего не заработаешь. И вот потянулись люди на заработки, кто куда. Многие в Америку отправились за лучшей долей. Тяжело там первым русинам приходилось: работали на износ. Зато своим родным в Подкарпатье доллары посылали.

Вот однажды идет Василина на почту. А по пути встречает почтмейстера. Поздоровались. Она и говорит:

– Иду деньги забрать. Муж из Пенсильвании 1000 долларов прислал, вот бумагу получила.

Почтмейстер ее стал отговаривать:

– Не надо хранить дома наличные деньги. Это опасно. Ведь ограбить могут! Лучше сразу положить чек в банк.

Тут Василинка разрыдалась и, трепеща, раскрыла ему страшную тайну, взяв самое честное-расчестное слово никому не говорить о ее страшной доле.

– Я, – говорит, – эти деньги должна черту отдать.

– Какому такому черту? – не верит своим ушам серьезный человек – почтмейстер.

– Ко мне вчера вечером черт в хату пришел. И сказал, что, если я не отдам ему завтра в полночь тысячу долларов, он заберет себе мою душу! И чтоб я о том, что он приходил, молчала! Что же мне теперь делать? Не отдавать же ему душу? Он пообещал, что в самое пекло ее отправит!

Плачет Василинка, колотится, страшно ей, да и денег, конечно, еще как жалко. Муж-то их не задаром получил, заработал в поте лица! Но душу-то свою еще жальче! В самое пекло ведь отправит бедную душу злой черт!

– Ладно, – говорит почтмейстер, – иди на почту, все оформи, как полагается, а завтра получишь деньги.

Василинка покорно отправилась, куда шла. А почтмейстер пошел к стражам порядка, они как раз поблизости от почты находились. Вот и договорились все вместе засаду у хаты Василинки устроить, посмотреть, что за черт к ней ночью заявится.

На следующий день выдали женщине деньги, она, понутив голову, пошла домой. Ближе к ночи потихоньку пробрались к дому Василинки стражники и почтмейстер. Залегли в засаде и принялись черта ждать. Тихо вокруг, тьма. Все спят давно. А у Василинки в хате светло. Ясно, что ждет своего страшного гостя. В окошко видно, что стоит она на коленях у образа Божией Матери и молится слезно. Вот наконец церковные часы начали бить двенадцать раз. Полночь.

И тут появился черт. Самый настоящий – ужасный отвратительный черт: с козлиными рогами, в черном плаще, а из-под плаща хвост страшный торчит. Ну, вообще-то хвост на коровий похож. У коров-то в хвостах ничего пугающего нет. А вот у черта такой хвост – просто дрожь пробирает смотреть. И пошел черт в Василинкину хату: топ-топ-топ. Переждали почтмейстер и стражники полминуты, тут открывается дверь, черт выходит. Выкупила, стало быть, Василинка свою душу, отдала деньги нечистой силе.

Ну, тут на черта все и навалились! Он от неожиданности и не сопротивлялся. Завели его снова в Василинкину горницу, рога сняли, плащ, морду его чертовскую черную тряпкой мокрой утерли. Смотрит Василина: это ж и не черт вовсе! Это ее сосед! Она ему похвасталась, что муж деньги из Америки прислал, вот у него в душе адское пламя-то и разгорелось! Вот что удумал! Ну и отправился в тюрьму, мошенник.

* * *

Прадедка смотрел на зачарованного рассказом внука.

– Понял, о чем я?

– Понял, – отвечал Ваня.

– Ну, говори, что понял.

– Ну-у-у, понял, что сосед в черта переоделся.

– Зачем? Поиграть захотел, повеселиться? – допытывался дед.

– Ну, прадеда! Ну ведь и поиграть тоже! Он ее обманывал, чтобы она испугалась и деньги отдала! А ему было смешно самому! Разве нет?

– Так! Все так! А что Василинка не так сделала?

– Поверила, что черту должна деньги отдать! – Ивану ответ был ясен.

– Верно! И все?

– Соседу не надо было хвастаться, да?

– Вот! Наконец-то! Сообразил! Ведь она похвасталась, да? А от хвастовства один грех: он позавидовал, решил деньги себе забрать. А в результате в тюрьме оказался! Значит, кто виноват? – рассуждал прадедка.

– Василинка? Но она же просто глупая. Только и всего.

– А глупые всегда и бывают источником зла! Запомни мои слова. От глупых одна беда. Промолчала бы – и не сидел бы сосед в тюрьме, а?

– А он что сам? Невиноватый, что хотел чужое взять? – возражал Иван.

– Правильно рассуждаешь! А вот теперь скажи-ка мне: где тут колодезь с черной водой?

– Сосед? Да, конечно. Он был как будто старый друг, она ему не боялась сказать...

– Сосед – это понятно, – кивал прадедка, – а если дальше думать?

– Этот... Почтмейстер?

– Само собой... Он должен быть себе на уме, должность у него такая. Ну, а еще – есть кто-нибудь?

– Василинка? – не верил своей догадке внук. – А почему? Она ж никого не обманывала. Она просто болтливая.

– Это да. Но вот смотри: она же «черту» обещала, что никому не скажет, да? А рассказала! И это хорошо, это правильно, что рассказала. Но для соседа она оказалась тоже – колодезь с черной водой! Понял?

– Ого! – поразился Ваня. – Здорово как получается!

– Получается вот что: чужая душа потемки. Поэтому доверяй, но с умом. Нараспашку жить глупо. И себе, и другим один только вред.

– Прадедочка! Миленький! А разве у всех людей в душе – колодезь с черной водой? А есть – со светлой? С чистой водой колодезь?

– А вот это самое большое сокровище и оказывается! Не деньги, не золото, не все блага мирские, а человек с чистой душой! Вот такого человека надо искать! Иногда целая жизнь на поиски уходит. А найдешь такого, не упускай.

* * *

Эти поиски и оказались самым трудным делом в жизни. Только сейчас Иван понял, о чем это вел свои речи прадедка. И только сейчас догадался, насколько редко встречаются чистые колодези.

Сияние

А тогда, говоря о светлых душах, прадедка поведал другую историю:

* * *

– Жила у нас в городке довольно богатая семья. Отец, мать и дочь. И вот умерли родители от чахотки, один за другим. Осталась молодая девушка сиротой. Было ей немного за двадцать. Красивая – глаз не оторвать. Коса светлая, глаза огромные, синие, тоненькая, высокая. Так и хотелось смотреть на нее, любоваться. Говорили, что и она проживет недолго: наверняка от родителей унаследовала не только богатство, но и смертельную болезнь.

Грустила она, конечно, в большом своем доме. Но людям делала много добра. Она и бедным помогала, и школу организовала для деревенских деток, и к больным доктора посылала, а сама лечение оплачивала. Очень ее все любили и жалели. Видели, что добрая она, бескорыстная, а осталась одна, как камень в поле. А как поможешь? Отца и мать не вернешь.

И вот однажды пришла служанка поутру дом прибрать, видит, лежит на своей красивой постели в кружевных подушках и простынях несчастная ее хозяйка. В белом подвенечном платье, в фате. Мертвая.

Повалил народ прощаться со своей благотельницей. Люди смотрят: настоящий ангел перед ними! А к вечеру и сияние вокруг ее головы появилось, люди просто ахнули от такого чуда. Лежит в облаке кружев мертвая невеста-ангел и светится! Конечно, все в этом доме побывали, покойницей любовались. И свечением необыкновенным, которое от нее исходило.

А доктор, который обычно свидетельствовал смерть, вдруг и говорит:

– Надо отвезти тело на экспертизу. Пусть разберутся в причинах смерти. Не буду просто так смерть свидетельствовать. Мне в графу «причина» написать нечего.

Народ, конечно, возмутился.

– Не дадим, – говорят, – бедняжку на поругание. Ей и так в жизни горько пришлось, сиротинке. Пусть хоть после смерти покоится с миром.

Это, разумеется, убедительный довод. Но все-таки – порядок есть порядок. Причина смерти-то должна быть установлена. И ночью увезли покойницу в соседний город на экспертизу. Произвели вскрытие. И оказалось, что бедняжка была на четвертом месяце беременности. А что за позор оказаться беременной незамужней барышней – это сейчас и не передать. Были бы отец-мать живы, они бы этого негодяя нашли, жениться бы заставили. А ей, одинокой горемыке, и на помощь позвать было некого. Ходил, видать, к ней какой-то негодяй по ночам. Может, женатый был. А как узнал, что ребеночка она ждет, сбежал, понятное дело. Вот она, когда поняла, что выхода у нее нет, и отравилась фосфором. Фосфор-то и давал это ангельское свечение.

Такая загадка оказалась.

Все равно весь город ее оплакивал и хоронили в том прекрасном подвенечном наряде, в который она по своей воле и оделась перед смертью.

Видишь, как некоторые чудеса просто объясняются!

* * *

– А почему, если ждешь ребенка, а сама не замужем, это позор? Почему надо умирать из-за этого? – не понимал Ваня.

– Умирать не надо. Самому тем более на себя руки накладывать. Самоубийство – смертный грех. Душе потом не получить прощения. Но ребенок, зачатый не в браке, не мужем и женой, в те времена считался результатом блуда, то есть греха поганого, бездумного. Ну, вот собачки, кошечки, они там, как срок их гулянок наступит, находят друг друга, и появляются щенки, котята. И если хозяин не проследит, у породистых собак рождаются полукровки. Все. Порода испорчена. И такую собаку, что родила неизвестно от кого, выбраковывают. Она больше не считается воспроизводительницей благородного потомства. Так и у людей. Все же когда люди женятся, выбирают друг друга, на родителей смотрят, на бабок, дедок, а потом Бог их союз скрепляет – это многое значит. Например, то, что молодые люди старших уважают, и ребенка своего будут уважать и растить в почтении к жизни и другим людям. А если все так, не пойми с кем, потому что сейчас чего-то где-то захотелось, зазудело – это кто ж родится? Может, и красивый, может, и талантливый, но с судьбой перекореженной, это точно. Такие люди законы не уважают, страстями обуреваются, добра хотят, а зло сеют. Так оно выходит. Вот мир и катится в тартарары.

А ей, бедняжке этой, конечно, умирать не надо было. Пошла бы к священнику, рассказала бы. Он бы и помог, раз отца нет. Не решилась. Тоже – гордая была очень. Не могла в своем позоре покаяться.

– Так она – какая? Плохая? Скажи, прадеда! Она – колодезь с черной водой? – затосковал Ваня.

– Думал я об этом. И сейчас думаю. Светлая она была, добрая, чистая. Но если в колодезь с чистой водой кто-то наплюет или грязи накидает, каким он станет, как думаешь? Себя надо беречь. Душу свою оберегать. Не обольщаться чужими речами и обещаниями, – объяснил прадедка.

* * *

Иван тогда хорошо его понял. Они же вроде вместе думали. И что тут не понять?

Злоба дня

Ребенок открывал для себя мир. Жадно впитывал все впечатления. Он рано научился читать. Детские книжки скоро стали казаться ерундой: там все понятно, ни одного нового слова. Кошки, собаки, коровы, лошадки, машинки. И что? Ване очень хотелось читать по-взрослому. Вот дед, прадедкий сын, садится после ужина в кресло и читает газету. Неужели ему и вправду интересно, про что там написано? Ваня давно и упорно пытается читать газеты, как дед. Мальчик садится, разворачивает газетный лист и произносит вслух: «Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л.И. Брежнев в своем выступлении не раз подчеркивал необходимость неуклонного выполнения указаний партии и правительства...»

Понятны во всем этом только несколько слов: товарищ, не раз...

Товарищ – это значит друг.

– Прадедка, а кому друг Л.И. Брежнев?

– А почему он должен быть кому-то другом? – усмехается прадед.

– Ну, написано: «товарищ». Это же значит – друг. Кому он товарищ? Или друг?

– Ну, есть у него какие-то свои друзья, наверняка есть. А товарищ – это такое обращение. Раньше было «господин». Это значило, что ты человека уважаешь, если к нему так обращаешься. А сейчас – все товарищи. Что это значит? Сам думаю, все никак не додумаюсь.

– Но это хорошо или плохо? – допытывается Ваня.

– Думали, что хорошо, – отвечает прадед.

– А оказалось?

Прадедка смеется:

– А оказалось еще лучше!

– А «не раз» – это много раз, да? – продолжает Ваня поиски смысла.

– Да, именно так, много раз, – соглашается прадед.

– А ты, прадедка, всегда мне говоришь, что умный понимает с первого раза. И ему повторения не нужны. Зачем товарищ Л.И. Брежнев не раз подчеркивал? Ведь «подчеркивал» – это говорил с выражением, да?

Дед тоже начинает внимательно слушать, как внук добирается до сути вещей. При этом вопросе смеются оба – и дед, и прадед.

– Ну, что ты пристал к прадедушке, как банный лист? – говорит дед, смеясь.

– Он правильно интересуется, сынок, – замечает прадедка. – Если ребенок спрашивает, надо отвечать. Да, умный понимает с первого раза. Но умных мало. Да и указания – они тоже не всегда умными бывают. Смотря кто указывает. Вот и приходится «не раз»...

– А сколько раз надо сказать, чтобы понял не умный? – не отстает Ваня.

– Не знаю. Много раз. И то вряд ли поймет. Трудный вопрос, – вздыхает прадедка.

– А если не поймет вообще, зачем повторять?

– Правильно! Не надо повторять. Сказал один раз, услышали тебя – замечательно. Не поняли? Не повторяй.

Ваня задумывается. Потом предлагает:

– Деда, прадедка, помогите мне, пожалуйста! Я напишу товарищу Л.И. Брежневу, чтобы он не повторял им больше ни разу. Они его не поймут все равно! Может быть, он просто не знает!

Старшие переглядываются.

– Знаешь, товарищ Л.И. Брежнев – очень занятой человек. Ему в день миллионы писем приходят, – начинает дед.

– От трудящихся? – уточняет Ваня.

– Да, да, именно, от трудящихся. И он должен все это читать, понимаешь? Давай не будем усложнять ему жизнь. Это не деликатно.

Ваня вздыхает. Ничего, он скоро вырастет, разберется во всех словах, все поймет! Он быстро растет! И ест хорошо! Скоро станет совсем взрослый.

Он переворачивает газетный лист и читает: «Заметки на злобу дня». Ну, тут без вопросов никак не обойтись? Тут что, учат людей быть злыми? Или просто так шутят? Это, наверное, должно быть очень смешно! Какие-то заметки, все прочитают и станут злые-злые! И день тоже станет злой! Небо нахмурится, дождь пойдет, ветер завоет... Волки на улицы прибегут, тигры, драконы... Очень злые всякие звери. Вот это будет злоба дня! Вот это да!

Ваня начинает очень громко хохотать до упаду. Он недавно узнал, что хохотать до упаду – это очень сильно смеяться, так сильно, что просто падаешь от смеха. Вот сейчас он показывает всем, как насмешила его газетная заметка про злобу дня.

– Пап, посмотри на этого читателя, – говорит дед прадедке. – Из себя выпрыгивает!

– Что опять такое? – обращается к Ване прадедка.

Ваня еще некоторое время покатывается со смеху. Потом объясняет:

– Тут шутят! Учат, как быть злыми!

– Ну-ка, ну-ка! – прадедка берет из рук мальчика газету. – Где это ты вычитал?

– Да вот! Видишь, написано «На злобу дня»!

– Ох ты! И верно! Но... на злобу дня – это значит, что новость самая свежая, новая, чтобы все обратили внимание, – подбирает слова прадедка.

– А на зло больше внимания обращают, чем на добро? – не унимается Ваня.

– Выходит, что так. Я не задумывался. А ты усмотрел. Молодец. Да... Злоба – это еще и суeta пустая. Не читай ты этих газет. Ничего, кроме глупости, не наберешься. Злоба дня! Пойдем-ка в лес, землянику поищем. Делом займемся.

– Ура! – кричит мальчик.

Наконец-то! Ему и самому давно эти газеты надоели. Ничего человеческого. А тут еще про какую-то злобу дня. День-то – ясный, светлый, добрый! Особенно летом!

Никто не заменит

Иван вернулся из армии и учился в медицинском, когда прадедка покинул этот мир. Иван не вел постоянные записи о событиях собственной жизни. Иногда, изредка заносил он в старый, еще школьных времен, блокнот то, что казалось ему невозможным держать в себе. И вот, три с лишним года назад, перед собственной свадьбой, он написал:

«Все-таки я был совсем зеленым, когда не стало моего деда. Хоть и армию прошел, и думал, что опыта набрался на всю оставшуюся жизнь. Я хвастался деду своим опытом. Смешно. На самом деле – он был прадедом. В последние годы все вокруг считали его впадшим в детство, а сейчас я вижу, что мудрее человека мне не встречалось. Он любил жизнь и видел в ней красоту и радость, несмотря ни на что. Он даже людей любил, хотя видел их насквозь и знал, что в любой момент со дна души каждого может подняться зло. Порой даже неожиданно для самого человека.

Он прожил долгую жизнь. Все так считали. И даже его сын, мой дед, успокаивал себя и нас тем, что прадедке хватило тех лет, что ему были отпущены. 99 лет. Это долго.

Когда он исчез из нашей жизни, я поначалу смирился. Я знал, что от этого никто не уйдет, что это так и надо. Но потом, чем дальше, тем больше, я стал скучать. И вроде бы даже не по нему самому. По его рассказам, по его отношению ко всему, что он видел и показывал мне. Каждая мелочь, казавшаяся незначительной и забытой, всплыла в моей памяти. Я понял, что никто-никто не заменит мне прадедку. Он такой был один. Ни на кого не похожий. Каждый из нас ни на кого не похожий. А мне нужен был и до сих пор нужен только он, именно он. Нужно, чтобы он смеялся, подмигивал мне, брал своей сухенькой рукой мою руку и вел меня туда, где он уже был, а я еще нет.

Его не стало, и я обеднел. И весь мир обеднел. Только мир этого знать не хочет. А я знаю. И еще знаю: он передал себя мне. Именно мне. Так уж вышло. И сейчас – мне тоже пора передать себя».

О том, чтобы передать себя, и мечтал Иван, когда женился. Ему было вполне пора. Он созрел для семьи.

Прадед, как оказалось, был главным семейным связующим звеном. Пока он жил, вся семья сосуществовала – без ссор и конфликтов – под одной крышей. Когда закончился его земной путь, закончилось совместное проживание. Не потому, что рассорились. Просто как-то так само собой вышло. Дед с бабушкой решили круглый год жить на природе. Дача к тому времени была оборудована всеми сантехническими удобствами. Свежий воздух и удаление от городской суеты гарантировали продление жизни. Все правильно.

Отец с матерью и Иван остались вдвоем в большущей квартире. Родители, архитекторы, приняли решение: им давно хотелось перебраться на Балтику. Мама сама была родом из Риги и скучала по дюнам, соснам, долгим прогулкам вдоль моря. Они продали старое жилье, взамен купили Ивану отличную трехкомнатную квартиру неподалеку, а сами уехали в пригород Калининграда, обосновались там в особняке у моря, открыли к тому же собственную архитектурную мастерскую.

Теперь все жили сами по себе. И все просто обязаны были быть счастливыми.

Дела, делишки

Сегодня с утра Иван мог никуда не спешить. Консультационный прием у него начинался в три. И дел никаких особых до того момента, как надо будет отправляться в клинику, не намечалось. Но привычка, вошедшая в плоть и кровь в раннем детстве, не давала валяться в постели. Весной и летом он просыпался с первыми лучами солнца. Осенью и зимой вставал не позднее 7 утра. Потом зарядка, все, что положено.

Он знал, что сейчас соберется и отправится в продуктовый магазин по соседству. В холодильнике пусто, шаром покати. Даже на завтрак нет ничего. А ему еще пообедать надо и, вернувшись после приема, поужинать. Он не любил общепит, не доверял ему, зная, кто и как готовит на кухне блюда, которые потом выносят клиенту красиво оформленными. Бывают, конечно, исключения. Бывают на ресторанных кухнях и идеальная чистота, и повара – гении своего дела. Но никогда не угадаешь. А бегать, искать, дегустировать – откуда на это взять время и должный фанатизм? Нет, он уважал только домашнюю стряпню. Целее будешь. И живее-здоровее.

Иван вышел на балкон, чтобы понять погоду. Вроде для холодов еще рановато. Сентябрь. Но прохожие шли, сутулясь от ветра, опустив головы в поднятые воротники. Холодно. Зябко. Школьники торопились на уроки. Что-то новое в этих утренних школьных маршрутах появилось. Иван вспомнил, как выбегал он из подъезда, а следом за ним выскакивал Дрюн, сосед и близкий друг, по дороге к ним присоединялись одноклассники. В школу являлись большой группой, успев по дороге много чего обсудить и запланировать. Сейчас все дети, да какие там дети, нормальные уже вполне подростки шли с мамами или бабушками. Причем женщины несли им рюкзаки! Вот какое племя растет! На что они будут способны через десять лет? А через двадцать, когда люди их возраста должны будут стать основным составом, костяком государства? Или их мамы так и будут тянуть за них положенную им лямку?

Он услышал, как хлопнула дверь его подъезда. Ага! Вот бегут опаздывающие товарищи! Конечно, мамашка тащит рюкзак, пластиковый пакет, свою заветную бабскую сумку, а за полы ее куртки крепко держатся полусонные чада. Быстро бегут, однако! Не замерзнут. Иван поежил. Рано осень наступила. Или еще будет тепло? О! Никак, телефон? Что-то очень спозаранок он кому-то понадобился.

Иван запрыгнул в комнату, схватил вибрирующую трубку, не глядя на номер...

– Духнов, какая же ты сволочь, какая же ты мразь, Духнов! Чтоб тебе пусто было! Чтоб у тебя яйца засохли, чтоб у тебя хрен отвалился! – услышал он прерывистые, перемежаемые рыданиями фразы.

– Не спится, да? – спросил он, стараясь говорить спокойно и даже весело. – У тебя там вроде шесть утра, Алина. Чего вскочила? Сон страшный увидела?

– Чтоб тебе никогда детей не иметь! Чтоб у тебя все пациенты подошли! Чтоб тебе в тюрьме пожизненно сидеть! – продолжал изрыгать плоды своих явно безумных фантазий женский голос, который когда-то был ему дороже всех на свете.

– Ты же мужа своего разбудишь! Что тебе сейчас-то от меня надо? Что ты хочешь? – продолжал этот дурацкий разговор Иван вместо того, чтобы просто отключиться.

Ему действительно хотелось понять, какие силы заставляют эту женщину, бывшую его жену, которая сама, по своей воле ушла от него к другому, потому что тот, другой, оказался гораздо богаче, специально забеременела от любовника, чтобы наверняка подцепить, так вот – какие же силы заставляют ее теперь, когда все правовые вопросы между ними решены, развод оформлен, имущественных претензий нет, звонить ему, Ивану, и проклинать, сулить какие-то дикие ужасы? Она в своем ли уме? Похоже, что нет. Ведь получила все, к чему стремилась. Красивую заграничную жизнь, настоящее богатство, что ей еще надо? И ведь не угадаешь,

когда на нее найдет. Может и ночью, может и днем, и перед операцией, и когда он за рулем. Он, конечно, не всегда откликается. Чаще – сбрасывает звонки. Сейчас вот – расслабился, не глянул, кто звонит.

– Что ты хочешь? – повторил Иван. – Ты пойми. Мне ничего не сделается. Я тебя не обманывал, не изменял тебе, я прав. И потому – мне ничего не сделается. Ты же все зло, которое в себе носишь, на своего же ребенка сейчас обращаешь. Уймись.

В ответ послышалась дичайшая брань, виртуозная. Пришлось отключаться. Продолжать не имело смысла.

* * *

Наверное, он идиот. Полный идиот. Быть может, каждый человек в какой-то области жизни имеет серьезные пробелы. Или – проблемы. Иван, вполне благополучный в профессии, успешный врач, занимающийся челюстно-лицевой и пластической хирургией, решительный, умелый, к тому же – блестящий интуит, что в медицине немаловажно, в отношениях с женщинами, выходит, всю свою интуицию терял напрочь. Она отказывалась работать в этом направлении, его странная интуиция.

Он любил в своей жизни дважды. Был уверен, что любит. Не сомневался, что это именно так. И дважды был обманут. Он доверялся полностью. Может быть, это не лучший путь к сердцу прекрасной дамы? Может быть, надо давать понять женщине, что ты себе на уме, что ты опасен, коварен, жесток? Может быть, им именно этого и жаждется? У Ивана перед глазами была его собственная семья, дружная, спокойная. Надежный тыл. Он никогда не мог себе представить, что может быть по-другому. Не остерегался. Вот в этом-то, видно, и был источник его бед. Нельзя все мерить родительскими мерками. Время другое. Условия жизни будущих жен – иные, ориентиры и ценности – как в страшной сказке. Не у всех, конечно же. Но ему именно такое везение выпало. Надо бы заранее узнать, что у девушки за душой, как раньше жила, о чем мечтала... А он влюблялся сразу и наповал. И дальше видел в своей любимой лишь прекрасные черты, не допуская, что когда-нибудь она может оказаться совсем другой.

Хотя – почему это: совсем другой? Именно такой, какой и была! Просто глаза и разум Ивана в тот момент первого очарования как-то иначе видели и соображали. Ведь, если по-честному, влюбился Иван в будущую жену с первого взгляда, даже не видя девушки! Вот как бывает!

* * *

Он летел тогда ночным рейсом из Цюриха в Москву после утомительной конференции и хотел только одного: вытянуть ноги и уснуть. Он никогда не летал бизнес-классом на короткие (три-четыре часа лета) расстояния из принципа: вполне можно долететь почти в десять раз дешевле и не утратить своего достоинства. Он уселся на свое место у прохода в седьмом ряду. Просил шестой, сказали – все занято. Он захотел глянуть, кто же занял его любимый ряд. Какие-то девушки сидели впереди и оживленно болтали. Он их так и не увидел. Девушка, сидевшая прямо перед ним, разулась и уперлась ногами в перегородку. Иван видел ее узкие щиколотки и ступни в черных носочках.

«Милые ножки какие!» – подумал он.

Ножки между тем ни секунды не находились в состоянии покоя: они словно выплясывали веселый танец, пальчики поднимались, опускались, двигались по перегородке – целую пантомиму можно было углядеть в движениях этих задорных ножек.

Иван не смог уснуть. Он любовался. И, конечно, прислушивался к тому, о чем говорили подруги. Из их разговора он понял следующее: в Цюрихе они оказались проездом, отдыхая

где-то в горах Швейцарии. Приехали рано утром на главный вокзал, оставили вещи в камере хранения, а сами пошли по городу гулять, по магазинам. В восемь вечера явились за багажом и только тут поняли, что случился у них страшный облом. Вообще кошмар кошмарный! Оказывается, камера хранения в странном городе Цюрихе закрылась в семь вечера. И все! И никаких стонов, воплей, слез и соплей не принималось! Хорошо, что с ними был какой-то Август, который как-то сумел договориться с авиакомпанией, что завтра утренним рейсом отправит их чемоданы в Москву. И вот они летят налегке. И дико волнуются: вдруг у Августа чего-нибудь не получится утром, и они лишатся своих новых шмотюлек, приобретенных за неделю отдыха. Тогда – все счастье мимо! Только то, чем перед полетом в Цюрихе закупились, и останется. А в чемоданах – самое основное!

– Мне больше всего сапоги летние жалко, – стонала обладательница очаровательных ножек.

Ножки при этом и не думали печалиться, все выплясывали свои веселые и беззаботные танчики на перегородке, все постукивали пальчиками.

Весь полет обездоленных цюрихской камерой хранения паломниц к святым торговым точкам прошел в восторженных воспоминаниях о шопинге и легких постанываниях от невозможности немедленной встречи со своими приобретениями.

Вот прислушаться бы ему тогда получше к разговорам, а не ножками любоваться! Но такие вещи понимаешь обычно задним числом. Очень сильно задним! Тогда же, к моменту приземления, Ивану было решительно наплевать на содержание девичьих бесед. Ему хотелось быть рядом с этими ножками. Погладить их хотелось, побаловать их обладательницу, порадовать ее чем-то, утешить. И, как только все поднялись со своих мест, Иван во все глаза уставился на девушку с ножками и понял: это она! В ней все было прекрасно. Именно его тип: светлая, стройная, русая, хрупкая.

Он тут же признался, что случайно слышал их с подругой разговор, сочувствует их проблеме и предлагает отвезти их по домам, поскольку машина его находится в аэропорту на стоянке.

Девушка внимательно взгляделась, словно работник фейс-контроля на входе в престижный клуб, и промолвила:

– Ну ладно, не откажемся.

Оказалось, подружки жили вместе, снимали однушку на двоих в Люблино.

Так и завязалось судьбоносное знакомство.

Разница в годах между ними была замечательная: тридцать три Ивану и двадцать три Алине. Он – вполне уже состоявшийся специалист, зарабатывавший, как ему казалось, очень хорошие деньги. Она чего-то там платное закончила – «менеджмент, управление, организация, планирование». В общем, – «отовсюду ни о чем». Да какая разница! Образование получила, какое смогла. На учение деньги сама добывала. Каким образом, Иван не уточнял, да это и не касалось его. Алина говорила: «Работала везде, где могла». Вполне достаточно, чтобы зауважать девчонку из-под Архангельска, которой самой пришлось в жизни пробиваться: отца не было, мать с бабушкой растили ее и брата. Некая странность, которую Иван не расценивал как странность: Алина одевалась просто роскошно, машинка у нее имелась – тоже очень знатной марки.

И что? О чем это говорило влюбленному? Да только о том, что девчонка не белоручка, умеет трудиться, готова зарабатывать, не сидеть сложа руки, как новоявленная барыня. Вообще провинциальные девчонки – великие труженицы, не то что избалованные москвички, которым даром досталось сразу и все. Это Алина так о москвичках говорила, и Иван с ней соглашался. Он вообще соглашался со всем, что изрекала эта редкая красавица и умница. Не восхищаться ею было попросту невозможно.

Они встречались очень недолгое время. А зачем канителиться, когда все совершенно ясно? Он же сразу, еще в самолете, почуял: «Мое!» Тогда чего ждать? Он очень много в тот период взвалил на себя в клинике, еще и диссертацию готовил, операции одна за одной – сложнейшие, ничего не боялся, ни от чего не отказывался. Все шло в руки. Но одного не хватало, самого существенного: настоящего, надежного тыла, хозяйки – хранительницы очага. И вот она, Алина! Чем не хозяйка? Чем не мать его будущим детям? Есть ли какие-то вопросы, препятствия? Два приличных взрослых свободных человека. В общем, как точно сформулировал когда-то любимый всеми Пушкин, «участь моя решена, я женюсь»! Так Иван и думал.

Он с первой их встречи решил для себя, что будет устраивать все для нее по высшему разряду: красиво, стильно, романтично, комфортно. Он и предложение сделал ей в особенной обстановке. Купил на выходные билеты в Париж, заселился в лучшем отеле, повез девочку на Эйфелеву башню, поднялись, и там он протянул ей коробочку с кольцом (таким, чтобы все подружки лопнули от зависти, долго консультировался по этому вопросу со знающими пациентками). Алиночка прямо засветилась вся. Взяла коробочку, открыла, засияла. Но, умная девочка, «да» сразу не сказала.

– Давай обо всем за ужином поговорим, солнышко!

Она его называла исключительно так – «солнышко». Он таял.

За ужином она, держа в руках закрытую коробочку в виде красного сердечка, попросила подробно, по пунктам изложить, как именно он представляет себе их будущую жизнь: место проживания, источники доходов, досуг, его обязанности, ее обязанности. Иван был потрясен: такая серьезная девушка! Такой зрелый подход к жизни!

Он доложил, что жить они будут в его квартире, в центре (она, собственно, уже не раз там бывала и даже оставалась ночевать), что потом можно будет купить небольшую дачку. Ну, сначала небольшую, потом побольше. Зарабатывает он хорошо, а именно – столько-то, а бывает и больше. В ближайшее время станет практиковать еще в одной клинике, частной, – денег будет много. Досуг – любой, по ее вкусу. Он любит гостей, но может и в тишине выходные провести. Поездки на отдых – куда глаза глядят, ничего невозможного нет. Обязанности его – сделать ее счастливой, чтобы она всегда смеялась и радовалась. Ну, в общем, оставалась такой, как сейчас: нарядной, ухоженной, с широкой улыбкой на прекрасном личике. Ее обязанности: жить в свое удовольствие, что-то делать в доме только по собственному желанию, любить его и, главное, родить ему детей. Вернее, хотя бы одного ребенка. А там видно будет.

– Как тебе такие планы? – спросил Иван с надеждой на положительный ответ любимой.

Она тут же внесла свои коррективы. Уточнила, должна ли она работать и вносить свою лепту в семейный бюджет, кто будет распоряжаться деньгами, если они создадут семью.

– Никакой лепты, – радостно запротестовал Иван, – и не вздумай! Будешь сидеть дома и бездельничать. Все, что нам нужно, заработаю я. А деньги, конечно же, будут общие. Оформим общий счет, получишь ты свою кредитную и дебетную карточку, ну и станешь хозяйкой.

– Хорошо, – поняла Алина, – теперь я скажу. Я согласна родить тебе ребенка. Но только через три года. Сейчас объясню почему. Я работала, училась, все это время пахала одна. Просто очень устала за эти годы. Мне хочется отдохнуть, привести себя в порядок, почистить организм. И тебе надо почиститься, кстати, чтобы ребенок родился здоровым, полноценным. Сейчас в городе такая экология, подумать страшно! Тебе подойдет такое условие? Три года – это нормальный срок для решения вопроса с ребенком?

– Конечно, три года – замечательный срок. Поживешь для себя, отдохнешь, отоспишься. Три года – какие могут быть разговоры.

– Тогда еще вопрос. Мне бы хотелось жить не в городе. Я предлагаю после свадьбы продать твою квартиру и купить большой дом где-нибудь в Барвихе, на Николиной горе или... Ну, в общем, где-то там. Ребенку нужен свежий воздух, приличное окружение, личная безопасность и красивые интерьеры. Я знаю, это вполне реальный вариант.

Иван думал недолго.

– Я постараюсь. Мне только обязательно что-то нужно в Москве оставить, чтобы ночевать перед операциями в городе. В пробку нельзя попадать. И долго за рулем быть нежелательно. Нервничать нельзя. Руки крепкими должны быть. Но думаю, решим этот вопрос. То есть – обещаю: будет хороший загородный дом. Ты совершенно права.

Алиночка заулыбалась, молча открыла коробочку и водрузила себе на пальчик колечко. Ах, какое колечко!

– Я согласна, милый! Мы станем мужем и женой!

Иван вообще рассудок потерял от счастья. Вот и нашел он то, что искал! Нашел! Смысл жизни своей!

– Все сделаю, как ты пожелаешь! – пообещал он, целуя душистую ручку с перстеньком, и ручка благосклонно погладила его по подбородку.

Иван устроил так, что поженились они почти сразу после прибытия из Парижа. Не мог ждать. Тем более – не было смысла в долгих ожиданиях. Заказал зал в том ресторане, который назвала Алиночка. Платье она купила у знаменитого модельера. Очень дорогое! Но это же раз в жизни такое платье покупается, правда? Родители Ивана и его же дед с бабушкой прибыли в ресторан в назначенное время, торжественные, нарядные, с подарками, цветами. Со стороны Алины была только та самая подружка, с которой она летела из Цюриха. Не смогли ее родные приехать. Обстоятельства. Но они поздравляют! Вот телеграмма!

– Ничего, – утешал новобрачную Иван. – Мы сами к ним нагрянем! Отметим по второму разу!

– Их дела, – спокойно реагировала невеста. – Нам и так хорошо.

И было действительно хорошо. Родным Ивана Алиночка понравилась. Идею переехать в загородный дом все одобрили. Что еще? Только жить, поживать да добра наживать.

Иван наживал изо всех сил.

Все задуманное Алиночкой осуществлялось с легкостью. Дом нашелся идеальный, по деньгам уложились тютелька в тютельку, хватило на однокомнатную поблизости от того места, где прежде жил Иван, и главное – близко от клиники. То есть – при желании можно пешком за пятнадцать минут дойти, а на машине – вообще говорить не о чем. Потом потребовались деньги на обстановку дома. Алиночка была перфекционисткой, на компромиссы идти не собиралась. Ковры – только персидские, не младше шестидесяти лет с момента производства. Постельное белье – только шелковое. Люстры – венецианские. Ну, правильно. Уж если делать, так чтоб все настоящее, без подделок. Пусть вьет гнездо! У нее великолепно получается.

Иван был доволен всем! Абсолютно! Ему только не очень нравилось желание Алиночки менять что-то в своем прекрасном личике. Но она настояла на пластике век: у нее, как она считала, были мешки под глазами.

– Это же естественно, когда устаешь, детка, ты лучше высыпайся. Этого хватит, – уговаривал Иван.

Но жена настояла на своем, и он собственноручно сделал ей то, о чем она постоянно твердила: подтянул ей веки.

Потом понадобилось чуть-чуть, почти незаметно, подкачать губки.

– Мне просто для себя, – просила Алина, – просто так выразительнее.

Сделали губки. Ну – хороша, слов нет!

Жена любила покрасоваться, любила гостей. Он не ревновал, он гордился. Вот – нашел такую драгоценность! В один миг! Ждал, ждал и нашел!

Родственников Алиночки довелось Ивану увидеть лишь однажды, года через два с половиной после свадьбы. Бабушка у нее умерла, пришлось ей собираться на похороны.

– Вместе поедem, – решил Иван.

Алина решительно отказывалась, говорила, что без него справится. Но что это за семья, если муж одну отпускает жену на похороны близкого человека? Не делается так, это не полюдски! И поехал Иван против воли жены с ней на ее малую родину. Вот там он впервые удивился! Не бедности, к этому он был готов, это – вполне понятно и не стыдно, учитывая все, что в глубинке происходит. Удивился он бардаку, испитости лиц матери и брата своей утонченной и брезгливой жены, так любящей и соблюдающей порядок. Он удивился их быту, запущенности, опущенности даже.

– Что ж ты молчала? Может, им помощь нужна? Давай им денег на ремонт дадим, – предложил он жене.

– Сами разберутся, – отрезала она. – Я им ничего не должна. Сама на ноги встала. Пусть и они – сами.

– Но это же твои самые близкие... – начал было Иван.

– А ты меня не учи, кто близкий, кто далекий. Я себе самая близкая. Ближе не бывает. Я тебя с собой не звала, сам потащился, – оборвала его Алина, показавшаяся в этот момент совсем чужой.

Какое-то предчувствие тоски кольнуло сердце Ивана. Кольнуло и отпустило. Он постарался понять жену. Объяснил себе, что действительно, видно, не помогали ей далекие родичи. Сама себя в люди вывела. Может, и права она. Есть раны, которые лучше не беречь.

Они вернулись в свой прекрасный подмосковный дом, и жизнь, казалось, пошла по-прежнему. Гром грянул, как ему и положено, совершенно неожиданно. Алиночка, в последние месяцы чем-то постоянно недовольная и раздраженная, полетела отдохнуть за границу. Иван провожал ее, помогал с багажом. Она послала смс, что долетела. Он ждал следующего утра, чтобы связаться с ней по скайпу. Но на следующее утро позвонил незнакомый человек, представившийся Алиночкиным адвокатом, и сообщил, что его клиентка поручила ему вести дело о разводе. Еще он спросил, когда Ивану удобно будет встретиться, чтобы обсудить все детали. Иван решил, что это подлый розыгрыш, но встречу все-таки назначил, чтобы от всей души надрать морду подонку. В скайп Алина так и не выходила, дозвониться ей он не смог. Но и верить бреду про развод не собирался. Так не бывает. Ну да, немного раздражалась жена в последнее время по непонятным причинам. И что теперь? Разводиться из-за этого? Она же все устроила так, как ей хотелось! Неужели она готова бросить свой любимый дом, каждая деталь обстановки в котором была продумана ею многократно? Про себя, про ее любовь к нему он почему-то не думал. В качестве довода сознание приводило только дом! Показательный момент, кстати.

Встреча с адвокатом состоялась. Морду бить не пришлось. Перед ним за столиком известного московского кафе сидел совершенно равнодушный, аккуратный и четкий человек, нанятый Алиной представлять ее насущные интересы. Вот доверенность на ведение дел. Вот нотариально заверенные бумаги, которые необходимы для развода. Вот ее заявление.

– А почему? – только и спросил Иван.

У него внезапно кончились все слова и мысли.

– Вот изложение причин, – пододвинул ему очередную бумагу адвокат.

Буквы разбегались перед глазами, прыгали в разные стороны, как испуганные муравьи. Иван сосредоточился и прочитал, что совместной семейной жизни у них, оказывается, не было уже около года, что она, истец Алина, жила постоянно в загородном доме, а ответчик – в московской квартире. Ей же, истце, хотелось детей и нормальной семьи. Промучившись, но так и не сумев создать полноценную ячейку общества с Иваном Духновым, бедная женщина встретила любовь всей своей жизни и уже беременна от этой любви (справка прилагается), потому и просит о разводе, на котором сама присутствовать не может, так как находится в настоящее время за границей с отцом их будущего ребенка.

– Она же врет, – сказал Иван. – Мы жили вместе. Все время.

– В принципе это не имеет никакого значения. Детей у вас нет. Вопросы о разделе совместно нажитого имущества можно легко решить, – пожал плечами адвокат.

– Какого – совместно нажитого? – удивился Иван. – Она не работала совсем. Я все наживал. Она и за границу сейчас полетела на мои деньги, с моей карточкой кредитной.

– Это не имеет никакого значения, – повторил адвокат. – Все, что появилось у супругов после брака, делится ровно пополам, независимо от того, кто работал, а кто нет.

– Так что она хочет? – заставил себя спросить Иван, все еще ощущающий себя участником бредового сна.

– Она хочет загородный дом и... собственно, вот список того, что мой клиент требует при разделе имущества.

– Но... Дом, квартира – это то, что было... нажито до брака, – с отвращением произнес Иван юридическую формулировку. – Это то, что мне оставили мои родители.

– Позвольте, тут мне придется вас поправить. Смотрите: и квартира, и дом приобретены после регистрации вашего с истицей брака. Следовательно – это имущество и есть совместно нажитое!

Опа! Значит, она еще перед свадьбой планировала развод, догадался вдруг Иван. Он, как распоследний влюбленный идиот, торопился сделать ее своей женой, а она говорила, что сразу после свадьбы им надо заняться переездом. Все знала! Все спланировала. Ну что ж! За три года получить большой дом с полной обстановкой – это отличный заработок. Молодец. Ума палата.

Ему хотелось немедленно перестать существовать. Он знал с ранних лет, что самоубийство смертный грех. Но Бог же добр и справедлив. Можно же просто как-то аннигилировать его, Ивана. Пых – и не было его никогда. Это было бы по-настоящему милосердно. Такую боль просто невозможно вытерпеть.

– Невозможно, а куда деваться? – спросил вдруг непонятно откуда взявшийся внутренний голос. – Справляться придется, жить придется, бывало и хуже.

Иван вздохнул полной грудью, отставил мысли об аннигиляции и подписал заявление о разводе.

– Это – пусть. А вот насчет всего остального я вам своего адвоката пришлю. С ним все и будете решать. Я бы тоже не хотел присутствовать нигде, у меня времени нет, – сообщил он адвокату.

– Понимаю. И совершенно согласен. В таких делах лучше действовать профессионалам.

Они распрощались, Иван поехал домой и надрался, чтобы забыть о боли. Отключился. Проспался. Прислушался к себе. Болело все равно, но не так испепеляюще, как сначала. Он поехал в клинику и написал заявление о предоставлении положенного ему отпуска. Он собирался запить беспробудно, хотя был человеком практически не пьющим. Но тут понимал, боль надо глушить. Само не пройдет.

Что еще интересно: сумел дозвониться до жены. Она была спокойна, доброжелательна и даже как-то снисходительна. Видимо, адвокат рассказал ей о встрече, о том, что развод – дело практически решенное, а вопрос раздела имущества решится днями. Иван не упрекал, не скандалил. Он прозревал. Перед ним открылась совершенно новая картина их любви, если можно по отношению ко всему этому употребить подобное слово. Хотя... слово и так уже настолько испохаблено, что и тут стерпит. Единственно, о чем спросил Иван (просто для завершения образа и придания ему окончательной цельности):

– Кто же твой избранник, Алина?

Девушка не скрывала. Она с достоинством назвала имя. Отцом ее будущего ребенка стал их сосед в загородном поселке. Сосед несколько раз заходил к ним на шашлыки, когда у них собирались большие компании. Иван, со слов жены, знал, что это невероятно богатый персонаж, владелец сети аптек. То-то она так восхищалась соседским домом и участком, размерами,

обстановкой, размахом! Видимо, глаз давно положила, догадался Иван. Но, насколько он помнил, этот фармацевтический магнат был женат?

– Давно в разводе! – торжествуя, выпалила Алина. – И получает иностранное гражданство.

Последнее она произнесла с некоей укоризной, вроде как в пример Ивану ставила своего нового избранника. Ну да, она не раз говорила, что мечтает уехать из этой жопы насовсем, с концами, зажить по-человечески, не рядом с быдлом, а в подлинно культурной среде. Иван все это пропускал мимо ушей, списывая на усталость и раздражение чем-то единичным: мало ли с кем по дороге домой пришлось ей пересечься...

Все было ясно. Он теперь видел ситуацию и ее результат, как дважды два. Его бывшая (боже мой, бывшая!!!) жена – великий стратег. И отлично знала, чего конкретно хочет от жизни. А именно: ей нужно было подлинное богатство, капитал! Заработки Ивана ее явно не устраивали. Ну, как старуху из «Золотой рыбки». «Столбовую дворянкой» ей быть надоело. Она стремилась в царицы морские. И постепенно, шажок за шажком, двигалась в этом направлении. Он, Иван, стал лишь первой ступенькой к ее великой цели. Тут у нее все сложилось – лучше не бывает. И винить некого. Ведь мог он сначала решить все вопросы с недвижимостью, а уж потом регистрировать брак? Теоретически – да. А практически – неа. Не мог тогда. Доверился полностью. Видел то, чего нет. Но ведь как ясно и отчетливо видел! Даааа! Колодезь с черной водой! Яма! А ему казалось: чистый северный родничок, который надо беречь, чтоб не иссяк.

Сколько прадедка рассказов ни рассказывал, сколько выводов они вместе ни делали, а учиться все равно приходится только на собственных ошибках. Просто интересно: неужели он такой невероятный грешник, что жизнь его наказывает именно так? Неужели нельзя было как-то помягче?

Но жизнь – тонкая штучка. Можно задавать ей миллионы вопросов, на которые все равно придется отвечать самому. Она деликатно промолчит, готовя очередную подножку. Надо, видимо, за все ее благодарить – ведь могло быть и хуже! И правда – могло! Алина, как он теперь ясно понимал, могла бы и киллера нанять, запросто. Да и без киллера, сама бы спроворила что-нибудь при желании. Попортила бы ему тормоза, например, он по дороге попал бы в ДТП. И все. Молодая прекрасная обеспеченная вдова. Так что – спасибо тебе, жизнь, за Алину, за доброту ее и человеколюбие. Все могло быть много хуже. Очень много хуже. А тут бывшая даже предложила в дальнейшем друзьями остаться, пообещав, что навсегда будет хранить ему верность в качестве пациентки его клиники. Это можно было вынести? И кто бы смог? А он сумел даже попрощаться, не послав ее куда подальше и не назвав ее тем именем, которого она явно заслуживала.

Несколько дней Иван действительно крепко пил. Потом надоело. Посмотрел на себя: чего ради опускаться? Профессию предавать, любимое дело? И ради чего, кого? Он привел себя в порядок, поехал в город, встретился со своим адвокатом, тот сообщил ему, что дело гиблое, супруга его обскакала по всем позициям и теперь вышла в дамки.

– Все, что она требует, достанется ей по закону. Вот был бы у вас брачный договор... Хотя и его можно оспорить. Но хоть зацепка какая-то была бы. В данном же случае – закон на ее стороне. Она, смотри: оставляет тебе обе машины, твою и ее, себе хочет дом, а тебе остается московское жилье. То есть – полное благородство. В устной беседе адвокат ее мне поведал, что она вообще-то считает правильным и московскую жилплощадь поделить. Что это было бы с его, то есть, с твоей стороны, по-мужски. Уйти красиво, оставив все бывшей жене.

И тут Иван уже окончательно прозрел. Собственно, поначалу ему вообще хотелось уйти из жизни, своей и чьей бы то ни было, без следа. Но если не уходить... Что это такое – уйти по-мужски и уйти по-женски? С точки зрения женщин-паучих, уйти по-мужски значило просто

сгинуть после того, как твоя самочка получит от тебя то, что запланировала. А деваться – некуда!

Он ехал в тот поздний вечер к себе (пока еще к себе) в загородный дом, думая о том о сем. Ну, как родителям про все расскажет, например. Рассказать-то придется. И на что ему теперь внутренне опереться, чтобы не пропасть – об этом думал. Но кто-то там, наверху, кто ведал его судьбой, давно уже все решил. Поэтому Ивану лучше бы тогда расслабиться и наслаждаться красотами лета и предвкушением, к примеру, сладкого сна на прекрасных шелковых простынях, приобретенных его вероломной спутницей жизни в Бельгии... когда-то, давным-давно. Да, вполне можно было сохранять спокойствие и радоваться тому, что есть. Но откуда ему было знать, что все уже решено в его пользу?

Он остановился на дурацком светофоре перед самым КПП, охранявшим въезд в их поселок. Перед ним стояла маленькая задорная машинка, девчачья. Раньше бы он умилился этой почти игрушке, а сейчас просто бездумно ждал, когда загорится зеленый и очередная коварная и лживая дочь своей прародительницы Евы тронется и даст ему спокойно проехать на ночлег.

Зеленый загорелся. Машинка осталась стоять, а в ту же секунду на капот этой малышки упало что-то тяжелое, похожее на человеческое тело. И тени какие-то метнулись в кустарник... А дальше сработала его многолетняя выучка и мгновенная инстинктивная животная реакция. Он выскочил из машины и ринулся на помощь, плохо представляя, кому и в чем придется сейчас помогать.

Так они с Майкой, что была за рулем своей букашки, спасли жизнь человеку! И так Иван нашел друга! Майка оказалась другом редким и удивительным. Потом он думал, что, если б не эта его катастрофа с разводом и если б они встретились до его женитьбы, он вполне мог бы в нее влюбиться. Запросто. Но не в этот период, когда он сам чудом держался на плаву. Да и в ее жизни все было непросто.

И все же – судьба бросила их навстречу друг другу не случайно! Именно благодаря Майке, жившей в том самом соседнем доме, владельцем которого, как считал Иван, был будущий муж его прошлой жены, узнал он о том, как на самом деле обстоят дела, и получил мощное оружие воздействия на сладкую парочку, ожидавшую прибавления семейства вдалеке от «этой страны с ее грязью и быдлом».

Вот как получилось: ехал совершенно опустошенный, ограбленный, лишенный света жизни человек в свою (и даже фактически не свою уже) берлогу, а через кратчайшее время все перевернулось, переломилось в его пользу! Вот это и есть рука судьбы, протянутая именно в самый подходящий момент. Благодаря встрече с Майкой, их обоюдной откровенности и дружеской помощи, Иван сумел оставить за собой все то, на что женщина, так подло предавшая его, не имела никакого человеческого права. Он не оставлял ее без крыши над головой, без куска хлеба, ее новый партнер был действительно богат и, судя по всему, так же подл, как Алина. Хорошая пара сложилась.

Алина вынуждена была подписать полный отказ от каких бы то ни было имущественных претензий, все решилось, к изумлению адвокатов обеих сторон, мгновенно и окончательно. Адвокат Ивана долго просил поделиться рецептом произошедшего на его глазах волшебного превращения алчной экс-супруги в кроткого агнца. Иван скромно молчал. Не его это была заслуга. Так сложилось.

И вот прошло время. Кончилось лето. Осень наступила. Пришла пора осенних обострений. Теперь, когда, казалось бы, их пути разошлись навсегда, бывшая периодически звонит, изрыгая самые несусветные проклятья. Ну да, она привыкла побеждать. А тут – серьезный облом! И так неожиданно! Трудно ей с этим смириться. Вот и приходится вымещать свое зло на Иване. И ведь сколько раз говорил себе: смотри, кто звонит, прежде чем отвечать! Ладно. Когда-нибудь она успокоится. Родит и уgomонится...

* * *

– Счастья бояться не надо, его нет! – громко сказал Иван зеркалу, в котором отражался почти незнакомый ему человек с потерянным лицом.

Он, не разуваясь, пошел в ванную, умылся холодной водой, прополоскал рот. Полегчало или нет?

На этот раз зеркальный двойник все больше походил на Ивана. Ладно. Живем дальше.

– Господи! – попросил Иван, открывая входную дверь. – Лишь бы эта жизнь оказалась последней!

Сердце красавицы

Вечером перед сном дети дико бесились. Что на них находит? Вот только что за ужином были, что не могут доест от усталости, что спать пора, что сил нет даже прожевать то, что в рот затолкали. А вышли из-за стола, и понеслось. Беготня, хохот, прыжки на втором ярусе двухэтажной кровати. Сначала, конечно, смешно смотреть, как гномики бушуют, а потом накопившаяся за день усталость переходит в раздражение. Ну как их остановить?

– Все! Прыгайте хоть до утра. Я уйду спать. Чтение сегодня отменяется.

Не слышат. Хохот, визг, полная анархия. Что делать? Свет им потушить? Испугаются. Упадут с высоты. Нет. Мать на такое не пойдет. Ей за своих маленьких страшно. А им ничего не страшно.

– Я уйду! Слышите?

А теперь надо действительно выйти и энергично закрыть за собой дверь. Чтоб поняли: мама не шутит.

Какое-то время визг не прекращается. Ну и пусть. Надо просто лечь и постараться заснуть. И пусть солнышки делают, что хотят. Их дела.

– Мам! Ма-ам! Ты где? Ты чего ушла?

Интересный вопрос. На голубом глазу! «Ты чего ушла!» Повсюду «спать пора, уснул бычок», а эти сходят с ума да еще требуют, чтобы мама ими любовалась.

– Ты что? Ты спишь, мам? А книжка? Ма-ам!

– А книжка спать легла. Ждала вас и уснула.

– Ну, мам! Ну, почитай!

– Хорошо. Я зайду к вам через две минуты. Если будете мирно лежать в пижамках, умытые, с почищенными зубами, почитаю. А нет – значит нет.

Брат с сестрой стремительно бросились в ванную.

Придется читать, куда денешься. С другой стороны, сегодня они довольно быстро образумились. Надо поощрить. Люша встала с кровати и отправилась к заветному шкафу, где стройными рядами стояли ее собственные милые сердцу книжки, сохранившиеся стараниями ее мамы в очень приличном виде, хотя и читаны были по многу раз: каждую свою детскую болезнь Люша заново встречалась с любимыми книжными персонажами, ставшими самыми близкими родственниками. Лет до четырнадцати так и читала при высокой температуре про Винни Пуха, Карлсона, Баранкина, которому полагалось стать человеком. Сколько их, утешителей, друзей, уводивших за собой в яркие, радужные, теплые миры, которые потом ищешь всю оставшуюся взрослую жизнь и не находишь никак.

Глаза разбегались. Что же выбрать? О! Вот, как раз подходящая: «Шалунья-сестричка». Пусть радуются. Люша, вытаскивая книгу, задела что-то, и в руки ей упала толстая, красиво переплетенная тетрадь. Ее дневник. Вот он где оказался! Сколько лет она уже не ведет дневник! Уже почти семь. Ровно столько, сколько ее сыну. Родился ее мальчик, стало не до дневника. А когда-то было время! Столько доверяла она своим тетрадкам. Ей захотелось перелистать странички своей прошлой жизни, сравнить себя нынешнюю с той, прежней. Много тогда происходило всего – прекрасного, мучительного, странного, непонятного. И до сих пор не понятого.

«Вот и хорошо, уложу свою банду и почитаю перед сном про собственные приключения, – подумала она. – Что ж, дневник кладем под одеяло и идем смотреть, что там делают разбойники».

Разбойники лежали в своих постельках, умытые, полные ожидания и восторга: они успели! И теперь начнется сказка! Все по-честному, по справедливости.

Люша читала, сама наслаждаясь книгой, изредка поглядывая, не уснули ли уже ее слушатели. И вот наконец – ровное дыхание, глазки закрыты, веки не подрагивают. Спят маленькие. Честно спят.

Она тихонько закрыла дверь детской, миновала холл и на цыпочках прошла к спальне. Спать расхотелось совершенно.

– Ничего, захочется, – утешила себя Люша, ныряя под одеяло. Она совсем забыла про найденный в шкафу дневник, но он напомнил о себе, уткнувшись ей в бок твердым уголком.

Тетрадь открылась сама собой, где-то посередине. Интересно, о чем там? О чем захотел напомнить ей ее когда-то самый близкий друг?

Странички

Она принялась читать, словно заново знакомясь с собой:

– Ты теперь с ним, а я одна. Нет, не одна. Но та часть меня, что была с ним: та часть, где мы все еще с ним, жива и одинока. С ним и – одинока. Пуста. И болит.

Зачем расстаются люди? Неужели по-другому никак нельзя? Нельзя позволять себе любить, потому что все равно ведь – расставаться. Если жизнь свела людей, зачем разводит? Или вообще никакого смысла нет в нашем существовании, все случайно, хаотично, и от нашей воли ничего не зависит? Хаос жизни. Он, мой любимый, теперь твой, сказал мне, уходя: «Я устал от этого хаоса». Значит, с тобой не хаос.

С тобой не хаос. Это пока все не упорядочилось, не уложилось, и ты пока не привыкла. И радуешься своей добыче. Мы же, женщины, по природе своей добытчицы. Что понравилось – мое. Любой ценой. В хозяйстве пригодится. Тем более он за восемь лет жизни со мной устал. Так что твоя совесть чиста. У тебя ничего не болит.

Он пока старается доказать себе (прежде всего себе), что он-то как раз хороший и поступил правильно. Просто не складывалось со мной. Не из-за него, конечно, а из-за меня. Не из-за тебя, само собой, а из-за меня. А раз вся причина неудачи нашей совместной жизни во мне, то совсем не страшно сделать мне больно, убить часть моей души.

В тебе нет пустоты и боли. Ты маленькая и тихая. И стараешься изо всех сил. Пока этих сил хватает. И все, разумеется, верят, что ты маленькая и тихая. Только кто мне звонит каждую ночь и нежным уравновешенным голосом обещает, что меня скоро вообще не станет, что меня уничтожат, сотрут с лица земли, расчленият меня, пададь, и никто не найдет да и искать не будет?

Я знаю, ты делаешь это сразу, как он засыпает после всех ваших страстей любви. Встаешь, идешь подмыться, а потом производишь контрольный звонок мне. Как контрольный выстрел в голову, в грудь, в самое мое сердце. Ты бьешь без промаха: он ни за что мне не поверит, если я надумаю ему рассказать. Потому что у нас за восемь лет было всякое, а у вас за несколько месяцев – сплошной праздник. И полный порядок. Он хочет и может! Несмотря на свои нагрузки по работе, на кокаин для поддержки сил во время тусовок на выходных. Он может. Тем более – тело сменил. Женское тело сменил на более молодое. Я слышала не раз, как его друзья, не смущаясь, при женах и подругах говорили, что жену, как машину, неприлично не поменять каждые пять лет. А мы, жены, должны были радоваться этим очаровательным шуткам юмора наших молодых и успешных львов бизнеса. Но каждая наверняка задавала себе вопрос: «Это и меня касается? Это просто шутка или все же?.. Вот машины-то они меняют даже не раз в пять лет, а чаще. Что будет со мной?» И еще одна шутка из всех остроумных афоризмов о браке меня впечатляла. Это когда мужья наши начинали подсчитывать, кто дешевле обходится: жена или проститутка. Конечно, по всем их раскладам выходило, что проститутка: заплатил чисто символически, отработала она по полной программе, потом слиняла без претензий. А у жены то голова болит, то ж-па. А денег на нее уходит немерено. На машину хоть гарантия бывает. А тут – берешь вслепую... Короче, одни убытки по всем статьям.

И попробуй возмутись этой пакостью! Сразу переглянутся: вот, мол, об чем и речь! Не пора ли менять старую марку на более новую?

В итоге так и получилось. Любые разговоры – это как печать. Штампуют мозг. И наконец он начинает действовать в соответствии с имеющимися штампами.

Когда мы с ним поженились, мне было двадцать, ему – двадцать семь. Прекрасная пара, изумительная разница в возрасте. Оба молодые и красивые. Мои неясные филологические перспективы с лихвой покрывались его сверхуспешным настоящим: в 27 лет – управляющий

крупным банком! Такие были времена. Но я не понимала ничего про банк, про его настоящие доходы, про то, как корежат огромные деньги людей, особенно у нас, выросших в нормальной советской нищете, не казавшейся никому унижительной, когда все мы там были. Но как же те, кто потом воспарил над воспоминаниями об унижительных нехватках обыденных вещей, презирали оставшихся в бедности. Как быстро лица их (поначалу вроде бы и человеческие) превращались в надменные каменные хари!

Я думала: я люблю его! И думала: он меня любит. И еще – что мы будем друг друга всегда любить, беречь, защищать... Никак не могла представить себя вещью, которая может устареть и перестать радовать своего владельца, за что и будет выброшена на помойку. Но мало ли чего я не представляла себе! Все равно вышло по его велению, по его разумению. Пришла пора хотеть другую. На этот раз не на 7 лет младше, а на целых пятнадцать. Ему 35, а тебе 20, как было мне, когда мы стали мужем и женой. Интересно, когда он начнет с тобой шутить про жен и проституток? Сколько лет пройдет? Хотя... на самом деле – не так уж и интересно. У меня сейчас совсем другие задачи. Мне надо вспомнить, что такое – быть человеком. Что такое независимость, что такое уважение к себе. Как это – встать и сказать: «Чтоб вам пусто было, подонки!», когда при мне меня же оплевывают – ради шутки, потому как за такие деньги и возможности надо научиться сносить все.

Да, со мной обошлись как с вещью. Но ведь это было понятно давно, уже после первых двух лет нашего союза. Терпела? Значит, вещь. Зачем терпела? Ответ легкий. Любила. Привязалась. Надеялась, что именно со мной все будет иначе. И – просто не умела вести настоящую партизанскую войну, с учетом всей ее стратегии и тактики. Такую ежедневную, ежеминутную войну ведут те жены, которым удастся продержаться рядом со своими денежными мешками десятки лет. Тут и ежедневный аккуратный просмотр телефонов на предмет обнаружения новых номеров и эсэмэсок, тут и подкуп личного шофера своего благоверного (пусть верный слуга получает двойную зарплату, не беда, не то сама лишишься всего), тут и занывание крупных сумм (на всякий случай), тут и сбор компромата о своем родном и любимом, без которого жизни нет. Не говоря уже о собственном достойном внешнем облике, обо всех этих губках, сиськах и даже ушитых письках, растянутых родами. Надо блистать, быть безукоризненной, эталоном, сохранять товарный вид – это в любом случае только в плюс.

Ну, хорошо. Я имею в результате то, что имею. Сошла с дистанции. Он же, муж мой бывший, ныне твой, не раз предупреждал: «Не проявляй свою самобытность, будь как все, иначе окажешься на обочине. Соблюдай среднюю скорость движения. Иначе – сбросят». Да, я сошла с дистанции. Меня дисквалифицировали. Но в этом мог бы быть один огромный, тотальный плюс! Я могу быть собой! Наслаждаться этой самой обочиной, на которой оказалась. Она в любом случае гораздо интереснее, многообразнее и живее, чем ровная автострада с шуршащими по ней машинами класса люкс. На обочине трава. Чуть дальше – лес. Река, болотце с кувшинками и лягушками. Мусорная свалка. Нормальные люди без запаха парфюма, тетки в пятьдесят, выглядящие на пятьдесят, а не как ведьмы, нажавшиеся молодильных яблок... На обочине можно плакать и петь. Выть, ругаться и жить без страха.

Что же мне мешает? И почему? А мешаешь мне ты, новая счастливая обладательница когда-то моего мужа. Странно и непонятно, но факт. Ты звонишь мне каждую ночь. И я не могу отключить телефон. У меня болен папа, мама извелась, и мало ли что может случиться среди ночи. Я могу в любой момент понадобиться им, единственным родным моим людям. Каждый твой звонок – двойной выстрел. Я реагирую рефлекторно: страхом. Желудок сжимается от ужаса. Кто звонит? Отец? Мама? Или – опять ты, собравшаяся по привычке исполнять свою победную песнь?

Я снимаю трубку и слышу твой настойчивый шепот. Ужас проходит. Приходит злость, гнев, отчаяние, которое я ни за что не покажу тебе.

Ну, что я должна и что я могу сделать? Чем я тебе-то мешаю? Он с тобой. Я – давно поверженный и разбитый враг. Разбитый, но не забытый!

У тебя энергии сейчас много. Он тебя ею накачивает. Отдает всего себя – и спать. А тебе не дают покоя твои растущие крылья за спиной, как у богини победы. Они чешутся, их надо расправить и – протрубить! Вот ты и выбрала меня, понимаю. Сочетаешь приятное с полезным. Наслаждаешься победой, новым положением столбовой дворянки, как в сказке Пушкина, а еще даешь мне понять, чтобы я не вздумала подходить к твоему мужчине на пушечный выстрел. Иначе – все, мне кранты. Тебе очень хочется меня морально уничтожить, чтоб навсегда.

Как там Буревестник наш, Горький, сообщил уже раздавленному диктатурой народу: «Если враг не сдается, его уничтожают». А Иосиф Виссарионович улыбнулся в усы и поправил: «И если сдается, тем более, да, Лаврентий?» И народу это понравилось. И нравится до сих пор. «Железная рука, порядок» – только и слышишь. Все устали от беспредела и хаоса.

Вот ты, маленькая тихая девочка, наводишь по ночам порядок на доступном тебе участке. Всегда в разное время. Я не вникаю в ритмы ваших совокуплений. Я только ощущаю, что тебе зачем-то нужен третий. Третий вообще-то лишний. Но тебе нужен. И ты выбрала меня. Напрасно. Зря. Ведь ты не даешь мне его забыть. Ты не даешь мне забыть себя. Я думаю о тебе, сама того не желая. Все пытаюсь понять, кто ты, откуда, как получилась такая вот: злая, хищная, бессердечная. Кто тебя так крепко обидел? Скорее всего, обидчиков нашлось бы немало: вся наша жизнь, ее скудность, малоимущие родители, твоя собственная незаметность и некажистость в определенный период, насмешки красоток-одноклассниц... Это я так, навскидку. Зачем мне разбираться во всем этом? Кто ты мне?

Тут я задумалась. Кто ты мне... Ну – ты, получается, мой враг. Я не сделала тебе ничего плохого. И не собиралась пускать тебя в свое будущее. Но получается, что месть за чужое прошлое падает на меня. Каждую ночь ты осуществляешь свою месть, как самый настоящий, не знающий жалости палач.

Конечно, я не верю, что ты хочешь убить меня, расчленив, закатать в бетон. Кому ж тебе тогда петь свои победные песни? Я не угрозу твоих боюсь. Но злые слова сами по себе содержат смертельный яд. А ты их много знаешь! На удивление много! Хотя – чему удивляться? О чем это я? Ты же наша девочка! Нас всему этому с детсада учат. Мы это впитываем в себя с ядовитым воздухом ни в чем не раскаявшейся страны, не желающей хоронить своих невинно убиенных. Мы впитываем это водой, когда-то окрашенной кровью сброшенных в нее истерзанных соотечественников. Но у кого-то получается осознать и фильтровать поступающую извне злобу. А кому-то удобно живется и так. Ты все умеешь, и тебе от этого хорошо. Ты торжествуешь сейчас. В тебе шипит и пенится хмель победы. Одно мешает, я это чувствую: тебе нужны мои слова в ответ. Ведь каждую ночь повторяется одно и то же: звонок, мое «я вас слушаю», твои (уже привычные и даже наскучившие) обещания и далее – вопрос, который я неизменно заставляю себя задавать:

– Вы, видимо, ошиблись номером?

– Нет, рухлядь трухлявая, – торжествуешь ты. – Я не ошиблась.

Далее я отодвигаю трубку от уха, потому как в него льется всякая витиеватая грязь. Тебе просто необходимо уцепиться хоть за что-то с моей стороны, услышать хоть одно мое слово, уловить мою реакцию. И мне хочется отреагировать. Я же живой человек. И мне очень хочется ответить. Правда, ты знаешь, деточка, с недавнего времени я даже жду твоих звонков, по-своему – радуюсь им. Ты наверняка даже не предполагаешь, какой подарок сама себе готовишь.

Честное слово, я ничем не собиралась отвечать тебе. Просто сначала, после первых трех-четырех твоих звонков, я испугалась угроз. Сила твоей злобы была так велика, что я на первых порах поверила, что цель твоя – уничтожить меня физически. Это совершенно доступно, если говорить о материальной стороне дела, при твоих нынешних возможностях, полученных благодаря замужеству. Ты ведь даже могла дать простор своей неукротимой фантазии и зака-

зять какое-то особое, пикантное, с людоедской точки зрения, блюдо: похищение с последующим крушением вертолета над Баренцевым морем, например, или что там еще пришло бы тебе в голову. Что я в своем нынешнем положении могла бы тебе противопоставить? Я даже внутренне подготовилась к самому страшному исходу, пока не уверилась в твоих подлинных мотивах. И тогда-то я решила: пусть, пусть так. Только потом, когда ты осуществишь свои угрозы, пусть кто-нибудь узнает о тебе, услышит то, что вынуждена слушать я еженощно. В конце концов, оставляют же приличные, не хаотичные люди после себя заранее продуманное завещание. Попробую и я.

У тебя отличная дикция. Ты внятно и с чувством проговариваешь каждое слово. И это замечательно! Один мини-диск уже полон. А ты все не выдыхаешься. Ну и ничего. Звони. Когда-нибудь тебе надоест. Ведь все в жизни имеет свое начало и свое окончание. Так что – выдохнешься, отвлечешься... А когда-нибудь выдохнется и заскучает он. Наш с тобой муж. Я даже примерно представляю, когда это может случиться. И получит он от меня подарок к круглой дате. Пусть послушает. Узнает о том, с кем рядом так доверчиво существует. А там поглядим. Хотя, пойми, я просто хотела о вас с ним ничего не слышать и не знать. Только это.

Воспоминание

Надо же! На какой странице открылся забытый дневник! Люша перечитала свой собственный монолог и не смогла поверить, что все это было в ее жизни. Как многое меняется в душе с рождением ребенка! Все прежнее стирается: и боль, и страх, и чья-то ненависть, и прошедшая любовь...

Она отложила в сторону раскрытую тетрадь, разом вспомнив все события более чем восьмилетней давности.

Что было потом... После только что прочитанного и заново пережитого куска собственной жизни...

Люша судорожно вздохнула. Ей не хотелось входить в ледяной поток тех, давних воспоминаний. Потому что потом... потом не стало папы. Долго тянулась его сердечная болезнь, все они: и мать, и дочь – были начеку, берегли, предусматривали, принимали меры профилактики. Но чему быть... Папа за ужином схватился за сердце – и все. «Скорая» примчалась через семь минут после вызова. Люша – через десять минут после маминого звонка о том, что папе плохо: мама до конца не верила, что папа ушел насовсем. Одно утешало Люшу: виделись они с папой днем. Жили рядом, и дочь заскочила на минутку к родителям. Они так хорошо поговорили тогда с папой. Как оказалось, на прощание. Папа сказал, чтобы она не печалилась, все у нее в жизни будет: и настоящая любовь, и дети, и дом – полная чаша, и ощущение счастья и полноты существования.

– Поверь мне, – сказал папа. – Черные полосы бывают у каждого. Без них человек не станет человеком, не научится понимать чужую боль. Наберись терпения и не падай духом. Живи полной жизнью, дыши полной грудью.

– А как это – полной жизнью? Что ты имеешь в виду? Полная жизнь у богачей. Когда все мое, что хочу.

Люша тогда именно так и думала.

– О чем ты говоришь, глупышка ты еще, – вздохнул папа. – Полная жизнь – это когда страха нет и совесть чиста. И когда отдаешь все, что у тебя есть, с радостью. А деньги и все, что за деньги покупается, – пустое.

– А как без денег-то отдавать, пап? Что отдашь, если у самой денег нет?

– Силы отдашь, любовь отдашь, заботу, тепло свое, мысль – это и есть самое дорогое. Запомни.

Люша кивнула, что запомнит. И, конечно, запомнила. И в дневнике ее есть эти слова. Вот они, всего через пару страниц после того, о чем она сейчас прочитала.

Вскоре она убедилась, что папа был абсолютно прав. Только сказать ему об этом уже не получилось. Зато они обо всем говорили с мамочкой.

– Об одном жалею, – горестно вздохнула мама после похорон. – Не увидел папа внуков. Так о внуках мечтал! Все семь лет, что ты с этим гадом жила. Гада не жалею, хотя сначала уважала его. Пустой, никчемный глупец. А вот что ребенка не родила – об этом жалею невероятно. Может, внук папе и жизнь бы продлил.

– Я и сама об этом думаю, мам. Но ты говоришь: «Пустой, никчемный глупец». И как от такого ребенка рожать? Я боялась. Боялась, что в случае чего он ребенка отнимет. Такие люди это любят, сама знаешь. Кому из нас было бы легче?

Люша сорок дней после кончины отца жила в родительском доме, чтобы мама не страдала от внезапного нежданного одиночества. Мобильник она отключила: не могла ни с кем говорить. Кто бы понял ее горе, кроме мамы? Вот они вдвоем, в обнимку и привыкали к вечной разлуке с любимым человеком. Потом, после того, как гости, собравшиеся на сороковой день помянуть отца, разошлись, мама сказала:

– Люшенька, тебе надо домой. Если мы сейчас останемся вместе, ты уже никогда не захочешь личную жизнь устраивать. Да и я потом без тебя совсем не смогу. Нам надо привыкать быть рядом, но не вместе.

– Или вместе, но не рядом? – уточнила дочь, не совсем понимая материнские доводы.

– Понимаешь, – мама замялась, – мне папа приснился и велел так тебе сказать.

– Когда? – поразилась Люша.

– Прошлой ночью.

– А как это было? Он... Какой он?

Люша позавидовала маме. Ей очень хотелось увидеть папу во сне, она все ждала-ждала, но он не приходил. А к маме пришел. Потому что маму больше любит?

– Он спокойный, сказал, что у него все хорошо. Лицо светлое.

– Не сердитое? – спросила Люша.

Она боялась, что папа обижен на нее за то, что не успела она к нему раньше прибежать. Но она бежала изо всех сил. Так, если спокойно идти, у нее от дома до родителей всегда выходило не меньше пятнадцати минут, а тогда она ровно в десять уложилась. Эх, да что там... Ничего не вернешь и не изменишь.

– Нет, нет, не сердитое, спокойное, нежное лицо. Внимательно смотрел. И велел мне тебя не держать при себе, а то мы обе размякнем и разучимся жить порознь. И давай так и поступим.

– Хорошо, – согласилась Люша, – но я все равно каждый день буду к тебе приходить.

– Или я к тебе, – кивнула мама.

Первые дни дома Люша все ждала привычных гадких звонков. Но телефон молчал. И постепенно все, что было ее кошмаром, начиная с момента развода и заканчивая папиным уходом, стало забываться как страшный сон. Недели через две после возвращения домой к ней наведалься одноклассник с другом. И друг этот, как замороженный, смотрел на Люшу, не отрывая глаз. Ходил за ней весь вечер, как приклеенный, пока она что-то носила из холодильника в гостиную, накрывая на стол.

Она почему-то подумала, что, может быть, в нем ее спасение. Может быть, он ей послан папой? И поэтому папа во сне велел маме отослать ее домой? Так все совпадало, что очень хотелось верить именно в такой, прекрасный, романтический и убедительный вариант.

Звали молодого человека Светозар. Странное имя. Уж очень пафосное. Не соответствовал он своему имени на первый взгляд. Такой тихий, скромный, младше ее на два года. Хотя – какая разница? Да у нее и у самой имя не менее странное: Люсия. Бабушка, мамина мама, влюбленная в песню «Санта Лючия», умолила молодых родителей так назвать новорожденную дочь. Люсия Алексеевна! Это ж надо удумать! А родителям почему-то понравилось это сочетание имени и отчества, благозвучным показалось. Вот они и дали... наименование. Хотя, конечно, полным именем ее никто никогда не называл пока: Люша и Люша. Вполне уютно и мило.

Друг уходил, а Свет (так он назвал себя, когда познакомились), умоляюще попросил разрешения остаться. Люша, твердо уверенная, что молодой человек явился к ней по велению судьбы, согласилась. И в ту же ночь она забеременела. Она знала, что сын у них зародился прямо в тот самый первый раз. Никогда – ни до, ни после не шла (даже в мыслях) Люша на подобное сближение. Все произошедшее с ней тогда было результатом своего рода сумасшествия, долгих месяцев страдания, тоски. Так она надеялась от горя своего избавиться, начать совсем новую жизнь. Собственно, вышло, как задумывала. Только несколько позже она догадалась, что никакой это не посланец папы, ее Светозар. Но какая уже к тому времени была разница? Пошла новая полоса. Не лучше прежней, но и не черней. Серая, что ли?

Уже через пару месяцев совместной жизни со Светиком все стало ясно. Сын обеспеченных родителей, он привык получать все, не напрягаясь. Люша, сколько жила, видела рядом вкалывающих мужчин: и папа, и потом предавший ее муж на работе выкладывались полно-

стью. Светик был мил, нежен, очарователен, но работать не хотел и, похоже, не собирался. Профессия у него, естественно, была. Модная. Юрист. Но что толку? Он все равно не работал. Деньгами ему «помогали» (так выражался Светик) отец, оставивший семью, когда сыну его исполнилось девять лет, и мать с отчимом. Он не стеснялся просить, считая, что родные обязаны ему.

Люша вставала рано утром, садилась за компьютер, начинала работать. Светик спал. Примерно в час дня она шла его будить, чтобы пообедать вместе.

– Я не выспался, я спать хочу, – отбрыкивался отец ее будущего ребенка и закрывался одеялом с головой.

На третьем месяце их совместной жизни Люша поняла, что больше не выдержит. И дело тут было не в беременности и не в повышенной нервной возбудимости. Просто невозможно смотреть по утрам на сладко дрыхнувшего мужика, который устал, ничего не делая, которому некуда спешить, который и не рвется никуда. Она попросила Светика вернуться в родительский дом. Как он уходил, – об этом лучше не вспоминать. Конечно, Люше не хотелось оставаться одной. Конечно, она не предполагала, что ей придется вынашивать и воспитывать ребенка без вполне естественной и необходимой помощи отца. Но вышло так, как вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.